

Имена

Простые чувства она умела превращать в искусство
Штрихи к портрету народной артистки РСФСР и БАССР
Гузели Галеевны СУЛЕЙМАНОВОЙ

Больно становится при мысли: как мало ей было отпущено! Но и как много успела сделать! В истории башкирского балета есть чистая, прекрасная страница, написанная талантливой, неповторимой балериной. Она живет в памяти людей и как незаурядная личность, обаятельная женщина, мужественный и сильный человек...

Гузель Галеевна Сулейманова танцевала на сцене Башкирского государственного театра оперы и балета четверть века, с 1945 года – солистка балетной труппы. Она создала незабываемые образы в шедеврах русской, советской и западноевропейской классики: Одетта-Одиллия, Жизель, Китри, Джульетта, Лауренсия, Тао Хоа, Эсмеральда, Раймонда... В золотой фонд башкирской хореографии вошли партии, исполненные балериной, в национальных балетах: Зайтунгуль из «Журавлиной песни» Л.Степанова, Галима из «Черноликих» Х.Заимова и А.Чугаева, Гульназира из одноименного балета Н.Сабитова.

Гузель Сулейманова родилась 25 февраля 1927 года в Уфе, в простой рабочей семье. Девятилетней девочкой она попала на просмотр комиссии из Ленинграда, которая ежегодно приезжала в Уфу для отбора талантливых детей на башкирское отделение хореографического училища. Опытные педагоги рассмотрели в «гадком утенке» будущего прекрасного лебедя. Гузель приехала в лучшую в мире балетную школу, где уже учились Зайтуна Насретдинова, Тамара Худайбердина, Халяф Сафиуллин, Фаузи Саттаров... Попала в класс опытного педагога Натальи Александровны Камковой.

Так сложились обстоятельства, что учеба Гузели несколько раз прерывалась. Она окончила пятый класс, когда началась война. Всех учеников срочно отправили в Уфу и взяли в балетную труппу молодого музыкального театра. Выпускникам доверили сольные партии, а Гузель с «незаконченным хореографическим образованием» танцевала в кордебалете, в оперных спектаклях.

В 1943 году Гузель отправилась в Пермь, куда были эвакуированы Ленинградский театр оперы и балета и хореографическое училище. Жили и учились в мучительных условиях: голодно, холодно, тесно, неудобно... Все окупала радость встречи с любимой учительницей - Н.А.Камковой. Через год Г.Сулейманову снова отозвали в Уфу, потому что началась большая работа над балетом «Журавлиная песнь», который должны были показать к 25-летию Башкирской автономии.

Закончить учебу удалось лишь в 1947 году. Гузель Сулейманова снова в Ленинграде, в классе знаменитого педагога Марии Федоровны Романовой, матери Галины Улановой. Правда, Гузель теперь не совсем подходила под статус ученицы. За плечами такие зрелые работы, как Седьмой вальс Шопена, Журавль в «Журавлиной песне»... А вершиной стала партия Марии

в «Бахчисарайском фонтане» Б.Асафьева, с которой она дебютировала на уфимской сцене в 1945 году.

М.Ф.Романова – единомышленница Агриппины Яковлевны Вагановой, необыкновенной женщины, танцовщицы, балетмейстера, педагога, автора уникальной системы обучения классическому танцу. Техника не должна быть самоцелью, учили они. Секрет выразительности танца в осмысленности движений, пластики. Техническая виртуозность должна быть лишь средством создания яркого сценического образа. Гузель Сулейманова впитывала эту науку телом и душой, усвоила ее на всю жизнь и теперь мы с благодарностью вспоминаем балерину, утверждавшую на уфимской сцене красоту и совершенство классического танца.

В училище традиционными были отчетные концерты выпускных классов. В новогодней программе Гузель танцевала в па-де-де из балета П.Гертеля «Тщетная предосторожность». Номер так понравился А.Я.Вагановой, что она воскликнула: «Почему эта девочка не в моем классе?», но до конца учебы оставалось всего полгода, и было решено не менять педагога. Сулейманова окончила училище в классе Марии Романовой.

На выпускном вечере на сцене Кировского (ныне Мариинского) театра Гузель блеснула, исполнив два знаменитых па-де-де – из «Лебединого озера» П.Чайковского и «Дон Кихота» Л.Минкуса. Ее партнерами были Константин Шатилов и Борис Брегвадзе, ставшие впоследствии известными танцовщиками.

С 1947 года Гузель Сулейманова, полная надежд и планов, снова в Башкирском театре, который уже стал ей родным. Ведь именно здесь она заявила о себе как талантливая балерина, станцевав Марию в «Бахчисарайском фонтане».

Сохранился снимок, на котором восемнадцатилетняя Гузель запечатлена в роли дочери польского магната. Скорее всего, он сделан не во время спектакля, юная танцовщица специально позирует фотографу. Но она в образе! Нежная, хрупкая, грациозная... В костюме отнюдь не роскошном, ведь только что окончилась война, времена были трудные. Но в театре ставились спектакли, уфимская публика с удовольствием ходила на премьеры. Лицо Марии-Гузели очаровывает прелестью и чистотой юности, глаза распахнуты навстречу мечте, любви, добру. Кажется, ничто не предвещает зла и жестокости. Хотя через несколько мгновений прервется счастливый бал, хан Гирей поразит кинжалом ее жениха, и она станет пленницей, уже никогда не узнает радости, погибнет от руки ревливой Заремы.

Этот спектакль поставил Фаузи Саттаров, дебютировав как балетмейстер. Он же танцевал Вацлава (позже - и Гирея). Именно тогда родился гармоничный, трепетный дуэт двух талантливых танцовщиков. Они тонко передавали дух музыки Асафьева (сам автор назвал свой балет романтической хореографической поэмой) и стиль типичного творения так называемого драмбалета, где сценический образ создавался не только танцевальными

средствами, но во многом с помощью пластики, пантомимы. Гузель Сулейманова и Фаузи Саттаров владели этим искусством в совершенстве.

Гузель исполняла партию Марии и в следующей постановке «Бахчисарайского фонтана» спустя двенадцать лет (балетмейстер Я.Романовский). Ее мастерство расцвело, она уже стала звездой башкирского балета. После успешных выступлений в спектаклях «Журавлиная песнь» и «Лауренсия» во время декады башкирского искусства в Москве Гузель Сулейманова была удостоена звания народной артистки РСФСР. Но она сохранила в своей Марии чистоту юности, непосредственность, романтическую возвышенность. И не только в этой героине. Танцевала ли Гузель Галеевна в чисто классическом балете, современном или национальном, она умела возвыситься над повседневностью даже в бытовых сценах или с этнографическими деталями, все ее образы приобретали философское звучание, простые человеческие чувства поэтически одухотворялись, поднимались до уровня высокого искусства.

Если бы знать, что таким недолгим окажется век балерины, ни одного спектакля с ее участием не пропустила бы! Но даже то, что посчастливилось увидеть, настолько ярко, что время не стирает в памяти облик выдающейся танцовщицы. «Лебединое озеро» П.Чайковского, «Жизель» А.Адана, «Тропюю грома» К.Караева, «Гульназира» Н.Сабитова, концертный номер «Элегия» на музыку С.Рахманинова... Сейчас, мысленно охватывая творческий путь Г.Сулеймановой, прихожу к выводу, что эти спектакли дают представление о главных ее сценических ипостасях - классическая хореография, современная и национальная.

«Лебединое озеро» прошло через всю жизнь балерины, начиная с ученических лет.

«В Ленинградском хореографическом училище, - вспоминает Хашим Мустаев, - мы с Гузелью подготовили партии Одетты-Одиллии и Зигфрида и в 1947 году впервые выступили в этих ролях на уфимской сцене. И был успех! В вариациях Одиллии Гузель исполнила 32 фуэте».

Но не в технических трюках был секрет воздействия танца Сулеймановой, хотя виртуозность, конечно, восхищала. Было что-то завораживающее в ее пластике, линиях, движениях. Гузель не выходила на сцену, а выплывала нежной, загадочной лебедушкой. Руки взлетали словно крылья. Не было ни одного пустого взгляда, поворота, все светилось, все играло на образ. Затрепетали ресницы при встрече с Зигфридом – вот он миг рождения первой любви! Взгляд в сторону при исполнении арабеска – тревога, предчувствие трагедии. Больше десяти лет мы смотрим на башкирской сцене «Лебединое озеро» в постановке Юрия Григоровича со счастливым финалом, и многие не знают, особенно молодые зрители, что изначально в этот балет заложена совсем другая ситуация. Зигфрид нарушает клятву верности в любви, гибнет сам и губит любимую. Поэтому образ Одетты окутан дымкой нежной печали, что, собственно, исходит от бессмертной музыки Чайковского. Но в заоблачных далях влюбленные воссоединяются, поэтому главным

лейтмотивом танца и музыки становится торжество любви, которая сильнее чар злого волшебника, сильнее самой смерти.

Та же мысль пронизывает образ Жизели. Это одна из самых дорогих и сильных работ Гузели Галеевны. Здесь так ярко раскрывалось ее драматическое дарование.

Другом Гузели была известная писательница Антонина Коптяева. В своей книге очерков «Чистые руки» Антонина Дмитриевна одним из богатств Башкирии наряду с нефтью и хлебом называет балет и пишет о посещении спектакля Башкирского театра «Жизель», где ее поразила Гузель в заглавной роли: «Сулейманова оказалась изумительной балериной, владеющей настоящим драматическим талантом. Обладая счастливой внешностью и выразительной пластикой, она с первого же шага на сцене приковала внимание зрителя. Веришь каждому ее взгляду, каждому движению, полному музыкальной одухотворенности...»

Событиями в творческой жизни труппы стала работа над балетом «Тропой грома» Кара Караева. Многоплановое решение темы, симфонизм, смелые композиционные приемы, оригинальное преломление в музыке стилистики негритянского фольклора в балете «Тропой грома» (по роману П.Абрахамса) увлекли постановщика Виктора Пяри, дирижера Гайнетдина Муталова, художника Владимира Плекунова, исполнителей. Спектакль получился ярким, с публицистическим накалом, дал возможность артистам не просто блеснуть мастерством, а почувствовать свободу творчества, выразить свое отношение к происходящему, танцевать раскованно, страстно и зажигательно. Публика это почувствовала и полюбила спектакль.

В партиях главных героев - Сари и Ленни – раскрылись во всей красоте и силе своего таланта Гузель Сулейманова и Фаузи Саттаров. Они убедительно передавали трагичность любви белой женщины и черного мужчины.

Это было совершенно неожиданно – после Одетты, Жизели увидеть Гузель Галеевну в образе надменной, самоуверенной, капризной дочери колонизатора. Встреча с Ленни, любовь преображают девушку, разрушают расовые предрассудки, впитанные с детства. Балерина убедительно показывает перерождение своей героини, проявляет тонкое знание женской натуры, используя все средства – танец, пластику, мимику, эмоциональные краски. В душе прорастает лучшее, что дала природа – нежность, доброта, верность в любви и дружбе, самоотверженность.

Я видела балет «Тропой грома» в Кировском театре в Ленинграде с великими танцовщиками Натальей Дудинской и Константином Сергеевым. Не лукавя, осмелюсь заявить, что башкирский дуэт не уступал ни в мастерстве, ни в силе эмоционального воздействия. Сулейманова танцевала партию Сари увлеченно, страстно, это одна из самых выразительных работ балерины.

Целую галерею привлекательных и сильных женских образов создала Гузель Галеевна в балетах национальной классики: Зайтунгуль («Журавлиная песнь»), Амина, жена Салавата Юлаева («Горный орел»), Галима

(«Черноликие»). Труднейшая задача – хореографическими средствами создать образ современницы, но и это, оказалось по плечу талантливой балерине. Ее Гульназира в одноименном балете Наримана Сабитова, поставленном балетмейстером Семеном Дречиным, волнует цельностью натуры, одухотворенностью. Танец во всех этих партиях представляет собой гармоничное слияние классических фигур и движений с национальными фольклорными мотивами. Передать характерные башкирские акценты – это Гузель Сулейманова делала очень искусно. Так посмотреть, повернуть голову, сделать взмах кистью руки – может только башкирская девушка. Пластичность балерины, певучесть линий, особенно при исполнении адажио, заставляли зрителей вспомнить протяжные башкирские песни озон-кюй.

Наверное, именно эти особенности национальной хореографии приводили в восторг зарубежных зрителей. Фрагменты из балета «Журавлиная песнь» Гузель Сулейманова и Фаузи Саттаров представляли во время гастролей в Англии, Шотландии, Франции и других странах. Иностранные газеты выходили с восторженными отзывами о наших танцовщиках, с фотоснимками на первой полосе...

В танце Гузели Сулеймановой было что-то до боли щемящее. Как предчувствие...

Эта пронзительность особенно чувствовалась при исполнении дуэтом концертного номера «Элегия» на потрясающую музыку Сергея Рахманинова. Фаузи Саттаров, сочиняя хореографию, раскрыл свою душу и талант. И посвятил работу Гузели Сулеймановой. Это была их песня. Песня любви, нежности, верности, щемящего счастья, романтической одухотворенности. Они танцевали этот номер, даже когда Гузель Галеевна уже была больна и понимала, что обречена. Это было Прощание.

Чем больше проходит времени, тем ярче представляется творчество великой башкирской балерины. Страницы, вписанные Гузелью Сулеймановой в историю национального искусства, не тускнеют и не забываются.

Нина ЖИЛЕНКО.